

Горы стояли безмолвные. На ветвях и верхушках деревьев висели прозрачные ледяные наросты, иней и снег укрыли всё вокруг. Когда взошло солнце, кристаллы льда засияли ослепительными отблесками.

Линь Мудун был потрясён зимним видом деревни. Закутавшись в толстую ватную куртку и тёплую шапку, он медленно вышел на снег и увидел пейзаж такой красоты, что тот казался почти неземным.

Неизвестно, в чьём дворе первым зажгли хлопушки. Вслед за ними одна за другой начали запускать их и другие семьи, и по всей деревне разнеслись перекликающиеся взрывы - первые звуки кануна Нового года.

Последний день этого года подходил к концу.

— Дун-Дун, после обеда приходи к нам играть в пай-гоу! — Чэнь Сяньюэ вышла во двор. Они с Даянем разложили по кругу длинную связку хлопушек прямо на огороде, и красные бумажные трубочки ярким кольцом лежали на снегу.

Пай-гоу! Глаза Линь Мудуна тут же загорелись. Он очень любил эту игру.

Пай-гоу давно распространилась в народе, и в уезде Таоли играть умели почти все, даже дети могли немного посидеть за костяшками. Зимой, когда полевых работ почти не было, это становилось одним из любимых развлечений взрослых.

— Хорошо, и Ли-гэра позовём, — Линь Мудун сразу оживился.

Для пай-гоу нужно было четверо, а им как раз не хватало одного человека. Он обернулся и с надеждой уставился на Сяо И.

Сяо И рассмеялся и добродушно напомнил:

— Если мы с тобой оба будем играть и оба выиграем, разве это не слишком нечестно по отношению к остальным?

— И правда, — Линь Мудун вдруг понял.

Они с Сяо И были одной семьёй, а сестра Сяньюэ и Ли-гэр - каждый из своей. Но кто же тогда станет четвёртым? Линь Мудун нахмурился, никак не мог придумать.

Но не успел он додумать, как Сунь Цян и Чэнь Сяньюэ уже подожгли фитиль. Хлопушки загрохотали так, что заложило уши. Обе семьи, собравшиеся посмотреть, прикрыли уши ладонями. На снегу остались россыпи красной бумаги и клубы сизого дыма, выглядело это

необыкновенно празднично.

Сяо И ещё до первого взрыва успел прикрыть Линь Мудуну уши, чтобы фулан не испугался.

После хлопушек все разошлись по домам завтракать. С утра не требовалось накрывать особенно богатый стол - главное пиршество ожидало вечером, на новогодней трапезе. Линь Мудун лишь скатал несколько белых круглых танъюаней.

Для начинки он смешал растёртый кунжут, сушёную мандариновую цедру и немного мёда - стоило откусить, как сладкая начинка начинала вытекать во рту. Были и танъюани с арахисовой начинкой. Линь Мудун кунжут любил не особенно и гораздо больше предпочитал арахис.□

Один танъюань был размером примерно с голубиное яйцо, и Линь Мудуну хватало шести, чтобы наесться. Сяо И ел гораздо больше - один мог съесть больше десятка, а пельмени и вовсе уплетал целыми тазами.

Линь Мудун поднял глаза и вдруг сказал:

— Ты как будто стал выше.

Неизвестно, не показалось ли ему, но теперь он, кажется, доставал Сяо И лишь до плеча.

Сяо И не придавал этому значения. За собой он никогда особенно не следил и вместо этого ответил:

— А ты, кажется, поправился.

Линь Мудун застыл. С тихим звяканьем ложка выскользнула из руки и упала в чашку, а круглые глаза распахнулись так широко, будто вот-вот треснут. Маленький фулан молча встал из-за стола и, повернувшись к нему спиной, ушёл на кухню. В его удаляющейся фигуре почему-то чувствовалась почти безысходная печаль.

На самом деле толстым он вовсе не стал. Когда Линь Мудун бежал от бедствия, он исхудал от голода, а теперь наконец немного отъелся. Щёки больше не были впалыми, на лице появился здоровый цвет, и выглядел он, напротив, румяным и изящным.

Сяо И почесал голову. Разве это не должно было считаться похвалой? Похоже, он опять сказал что-то не то.

Сегодня фулан даже не убрал за ним чашку, так что Сяо И пришлось самому отнести её на кухню.

Канун Нового года был самым хлопотным днём праздника. После еды Линь Мудун сразу принялся готовить рыбу и курицу для жарки. В деревне нечасто случалось такое оживление, поэтому куски рыбы и курицы складывали в большие чаши - маленькая посуда словно даже не соответствовала праздничному размаху Нового года.

Все только что наелись танъюаней и пока не слишком тянулись к мясу. Единственным настоящим обжорой в доме оставался Саньхуа. Щенок уже вырос в упитанного пса. Шерсть у него блестела и лоснилась - с первого взгляда было ясно, что кормили его обычно совсем неплохо. Хвост Саньхуа мелькал так быстро, что почти сливался в размытую полосу. Пёс крутился вокруг ног Линь Мудуна, высунув язык и жалобно поскуливая, а из уголка пасти уже тянулась слюна.

— Ещё не пожарилось, тебе пока нельзя, — Линь Мудун ногой слегка отодвинул пса.

Саньхуа словно понял. Он перестал приставать, развернулся и выбежал из двора искать Сяо И.

Сяо И как раз сгребал снег граблями, зимой это приходилось делать каждый день. Пёс уже успел натерпеться от падающего снега и теперь нигде не находил себе развлечения, поэтому в конце концов забрался в дом и устроился рядом с бабушкой, пока та вязала шерстяную шапку.

Сяо И вошёл на кухню и со смехом сказал:

— Этот пёс совсем людей бояться перестал. Позавчера ещё осмелился лаяться с деревенским Да Хэем. Не успею я их разнять, ему бы точно задали хорошую трёпку.

Линь Мудун сосредоточенно жарил кусочки рыбы и, выбрав свободную минутку, поднял голову:

— Ему всё равно Да Хэя не одолеть.

Он ведь даже меньше Дунгуа - только и останется, что прижать его лапой и издеваться.

Кусочки рыбы в кляре опустили в горячее масло, и поверхность сразу покрылась пузырьками. Линь Мудун палочками переворачивал их то на одну, то на другую сторону. В очаге горел слабый огонь, так что можно было не бояться, что рыба подгорит. Слева стоял таз с сырым кляром, справа - уже готовые жареные кусочки угря и курицы. Только что вынутые из масла, они были ароматными и хрустящими, а мелкие косточки прожарились до мягкости - по вкусу ничуть не хуже, чем в ресторанах городка.

— В соседней деревне Лаованчжуан есть винодельня семьи Ван. У них османтусовое и вишнёвое вино просто отменные. Я схожу принесу немного, за новогодним ужином и ты выпьешь чашечку.

В прошлый раз Линь Мудун напился и начал предлагать ему побрататься, так что повторять подобное Сяо И не решался.

Раньше Линь Мудун тоже пил, хотя, конечно, не хватал большие чаши, как мужчины, а лишь понемногу пригубливал. Османтусовое и вишнёвое вино были слаще и мягче зернового, да и пьянели от них не так быстро, поэтому молодые гэры и девушки особенно их любили.

Он застенчиво кивнул:

— Совсем немного.

Значит, пить можно.

Сяо И пошёл в дом за деньгами, затем позвал из соседнего двора Дацияна. Чэнь Сяньюэ наверняка тоже захочет такого вина, поэтому они вдвоём отправились в Лаованчжуан.

Закончив жарить курицу, Линь Мудун принялся готовить на пару сладкий пирог, после пирога поставил тушиться свиные кости. Его маленькая фигура мелькала по кухне почти без остановки: нарезать, положить в котёл, снять с огня - всё шло одно за другим, и Ли Юйфэнь почти не успевала ничем помочь.

До наступления второй половины дня он наконец заранее приготовил целый стол еды. На небольшом круглом столе уместилось восемь блюд: три тарелки жареного, две тарелки тушёного в пряном соусе, таз тушёных свиных костей и чашка жареного мяса. Главным блюдом должна была стать рыба на пару. Большую рыбу пока держали живой в воде: если зарезать её заранее, она потеряет свежесть, лучше разделать прямо перед самым ужином.

Расставив блюда на столе, Линь Мудун запер дверь, чтобы Саньхуа не пробрался внутрь и не стащил еду. После обеда дел больше не было. Услышав смех из соседнего двора, Линь Мудун понял, что Ли-гэр тоже пришёл, и поспешил туда играть в пай-гоу.

— Скорее сюда, только тебя и ждём, трое есть, четвёртого не хватает, — издали позвал Чжоу Ли.

Они ещё пригласили круглолицую девушку из деревни. Четверо уселись за стол и с глухим стуком выкладывали деревянные костяшки. Сяо И и Дациян стояли рядом и смотрели. Дациян время от времени давал советы, из-за чего Чэнь Сяньюэ подряд проиграла три партии и так на него разозлилась, что в конце концов прогнала готовить чай и греть воду.

Бабушка, тётушка Цай и ещё несколько женщин сидели в той же комнате. Они поставили жаровню, грелись у огня, занимались рукоделием, болтали и смеялись, а время от времени поглядывали, кто из молодых выигрывает, а кто проигрывает.

Линь Мудун играл хорошо. Он умел считать не только деньги, но и вышедшие костяшки, так что выиграл у Ли-гэра и остальных немало мальтозных конфет, теперь даже не придётся покупать их у разносчика.

Вот так и проходил Новый год: одна семья или несколько семей собирались вместе, играли или просто болтали - редкие за весь год дни, когда можно было по-настоящему отдохнуть.

Ещё не успело стемнеть, а по деревне уже разнеслись радостные крики детей. Самые нетерпеливые начали запускать громкие хлопушки и ракеты, совсем не боясь ни ветра, ни пронизывающего холода.

Линь Мудун доиграл последнюю партию и вдруг вспомнил о важном:

— Надо фонари повесить.

— Если бы ты не сказал, я бы и забыла. Смотри, уже темнеет, а мы, оказывается, весь день проиграли, — Чэнь Сяньюэ тут же велела Дацяну тоже вынести фонари.

В канун Нового года каждая семья вывешивала большие красные фонари - по три-четыре под карнизом. Ночью от них было и светло, и празднично. Сегодня ещё предстояло бодрствовать до наступления нового года, поэтому Сяо И заранее долил в фонари побольше масла, чтобы ночью не пришлось снова лезть по лестнице.

— Фью-у-у... бах!

В ночном небе прогремело - кто-то запустил фейерверк. Половина небосвода озарилась. Искры, словно россыпь звёзд, одна за другой вспыхивали в вышине. Все деревенские, заняты они были чем-нибудь или нет, разом высыпали наружу и подняли головы. Фейерверки отличались от обычных хлопушек - красивые, роскошные, внушительные. Простым семьям редко доводилось их видеть, только староста деревни каждый год запускал несколько штук.

Линь Мудун тоже смотрел вверх. В его зрачках отражались разноцветные огни, яркие и ослепительно красивые. Он замер, и в сердце вдруг прозвучала одна мысль:

Новый год пришёл.

— Давай и мы запустим хлопушки. Потом можно будет садиться за новогодний ужин.

— Хорошо. Ты запускай, а я пойду готовить: подогрею вино и ещё пару быстрых блюд сделаю.

Сяо И вынес заранее купленные ракеты, громкие хлопушки и «земляных мышей», расставил их и высек огонь кресалом. Линь Мудун тем временем вернулся в дом готовить новогодний ужин.

В очаге пылало жаркое пламя, в большом котле с громким шипением зажарилось мясо с овощами. Бабушка поддерживала огонь, Линь Мудун готовил, и в мгновение ока на столе появилось ещё одно праздничное блюдо.

Напоследок оставались главные блюда. Первым была рыба, тушёная с квашеной капустой. Такое блюдо ставили на новогодний стол почти в каждом доме, оно символизировало, что из года в год в семье будет достаток и всегда останется излишек. Сверху посыпали мелко нарезанным красным перцем и поливали раскалённым маслом - всё получалось алым, ярким, словно само пожелание процветания.

Затем Линь Мудун взял разделочный нож. В несколько быстрых движений он сделал на рыбе надрезы так, что мякоть раскрылась узором, и уложил её в форме «карп перепрыгивает через Драконьи врата». Рыбу поставили готовиться на пару, а потом посыпали тонко нарезанным зелёным луком и перцем и полили горячим маслом, чтобы сильнее раскрылся её естественный аромат. Главное блюдо поставили в середину стола, а вокруг по кругу расставили ещё семь. Один только вид стола уже был по-настоящему праздничным и богатым.

Саньхуа уже давно не находил себе места от нетерпения. Линь Мудун бросил ему большую кость, чтобы и он почувствовал вкус Нового года. Сяо И увидел, что Линь Мудун кормит пса мясом, но ничего не сказал. Линь Мудун улыбнулся и положил Сяо И кусок, на котором мяса было больше всего.

Под непрерывный грохот хлопнушек, перекатывавшийся по всей деревне, они наконец приготовились садиться за стол.

— Слышал, что некоторые богатые семьи в городке нанимают художника, чтобы тот изобразил, как вся семья сидит за новогодним ужином. Тоже своего рода развлечение, — с улыбкой сказал Сяо И.

Для простых земледельцев вроде них заказывать картины было чем-то слишком далёким, но сама мысль казалась ему занятой.

Глаза Линь Мудуна сразу засветились, и он поспешно кивнул:

— Когда я был маленьким, родители тоже однажды пригласили художника на Новый год. Нарисовал так, будто всё было настоящим.

— Точно, — Ли Юйфэнь помнила это лучше всех. — Тогда Дун-Дун был ещё совсем крохой, мать держала его на руках.

В воображении Сяо И невольно возник маленький Линь Мудун. Наверняка и тогда он был таким же робким и застенчивым, а на руках у матери, должно быть, сидел тише воды.

Он вдруг спросил:

— А где теперь та картина?

Линь Мудун на мгновение замолчал.

— Когда мы уходили из клиники, она осталась в отцовском кабинете...

Тогда его родители только умерли, а люди, захватившие их лавку, выгнали их прочь. Линь Мудун успел в спешке забрать лишь серебро, ничего другого вынести уже не смог. На той картине была изображена вся их семья, и её можно было считать памятью, оставшейся от родителей.

— Ничего, — сказал Сяо И. — Когда накопим побольше денег, тоже пригласим художника. Нарисуем несколько картин и развесим дома.

А что до вещей тестя и тёщи, Хэси находился не так уж далеко. Возможно, когда-нибудь им ещё выпадет случай вернуться и поискать их.

Перед ужином Линь Мудун и Сяо И отправились в главную залу возжечь благовония перед поминальными табличками родителей. Расставив подношения из фруктов и совершив поклоны, они наконец приступили к новогодней трапезе. Сяо И налил каждому по чашечке тёплого вина. Напиток был чистым и сладковатым, с лёгким ароматом османтуса. Все трое подняли чашки, коснулись ими друг друга и улыбнулись.

Завтра начинался новый год.

Их надежды не требовали слов, всё уже было в этом вине: чтобы ветер и дожди приходили вовремя, чтобы в доме царили мир, здоровье и благополучие.

Сяо И наклонился к уху фулана и тихо сказал:

— А в следующем году родим ещё и малыша.

Кончики ушей Линь Мудуна мгновенно покраснели. Он крепче сжал чашку с вином и не осмелился посмотреть на Сяо И.

Бабушка ведь ещё рядом.

Линь Мудун украдкой взглянул на неё и, увидев, что маленькая старушка с улыбкой дразнит Саньхуа, наконец облегчённо выдохнул. Сяо И расхохотался и больше не стал поддразнивать

фулана. Снаружи снова тихо посыпал снег, укрывая двор белым сияющим слоем, словно на землю лег лунный свет. Красное свечение фонарей отражалось на снегу, придавая ночи кануна Нового года особое очарование.

Сегодня им ещё предстояло бодрствовать до рассвета, так что времени было предостаточно. Вся семья вышла во двор запускать хлопушки. Линь Мудун сам поджигать их не решался и, пока Сяо И возился с фитилём, стоял подальше. А когда раздавался громкий «бах!», он тут же радостно поднимал голову.

— Попробуй и ты, — Сяо И ободряюще посмотрел на него и протянул громкую хлопушку.

Линь Мудун покачал головой:

— Лучше ты. А я отсюда посмотрю.

Сяо И не стал настаивать. Хлопушки всё-таки требовали огня, а он с детства привык с ними обращаться и хорошо знал, когда догорит фитиль. Поэтому он поджигал, а фулан с бабушкой смотрели со стороны, и им уже было весело.

Оставалось ещё несколько ручных фейерверков: их можно было держать в руке, а после поджигания они с шипением разбрасывали искры. Вот их Линь Мудун не боялся и долго забавлялся с ними во дворе.

Пока фулан играл, Сяо И вынес наружу жаровню и стулья. К этому времени снег снова прекратился. Сидеть у огня и бодрствовать до наступления нового года было совсем не так уж холодно, а для деревенских любоваться снегом само по себе было приятным развлечением. Когда хлопушки закончились, все уселись вокруг огня, жарили каштаны, разговаривали и смеялись.

Незаметно миновала полночь. Среди шума, смеха и праздничного оживления наступил новый год.

<http://bllate.org/book/19002/2086844>